

РАЗДЕЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ» /
SECTION “PHILOSOPHY OF SCIENCE”

5.7.9. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ) / 5.7.9. PHILOSOPHY OF RELIGION
AND RELIGIOUS STUDIES (HISTORY)

Серия «Политология. Религиоведение»

2023. Т. 45. С. 128–138

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

Научная статья

УДК 299.4

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.45.128>

Ненецкие святилища острова Вайгач: реальные и ирреальные грани

К. С. Гипп*

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва,
Российская Федерация*

Аннотация. Представлены результаты полевых религиоведческих исследований, проведенных в Ненецком автономном округе в 2013–2022 гг. Если данные анкетирования дают картину достаточно секулярного мировоззрения автохтонного населения НАО (ненцев), то глубокие полуструктурированные интервью выявляют пласт актуальных верований, связанных с традиционной религией ненцев. В первую очередь это касается почитания священных мест. Отмечены факторы, которые оказали влияние на религиозность ненцев в XIX и XX вв. (христианизация и советская секуляризация), затронута тема начавшегося в 1990-е гг. процесса национального возрождения ненцев. Уделено внимание сакральному ненецкому центру – о. Вайгач и истории его исследования. Сделаны общие выводы о важности применения качественных методов исследования в религиоведении для составления объемной картины современной религиозности северных народов. Почитание современным ненецким населением НАО своих священных мест является частью живой религиозной традиции этого этноса, существующей и поныне вопреки действию всех разрушительных исторических процессов.

Ключевые слова: ненцы, остров Вайгач, Семиликый идол, сакральные места, ненецкие святилища, нарратив наказания святотатца.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Традиционные сообщества в постсекулярную эпоху» при поддержке ПСТГУ и фонда «Живая традиция».

Для цитирования: Гипп К. С. Ненецкие святилища острова Вайгач: реальные и ирреальные грани // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2023. Т. 45. С. 128–138. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.45.128>

Nenets Sanctuaries of Vaigach Island: Real and Unreal Facets

K. S. Gipp*

Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. In the article, the author shares the results of field religious studies conducted in the Nenets Autonomous Okrug in 2013–2022. If the survey data gives a picture of a fairly secular worldview of the indigenous population of the Nenets Autonomous Okrug (Nenets), then deep semi-structured interviews reveal a layer of current beliefs associated with the traditional religion of the Nenets. First of all, this concerns the veneration of sacred places. The author also refers to the factors that influenced the religiosity of the Nenets in the 19th and 20th centuries (Christianization and Soviet secularization), refers to the topic of the process of national revival of the Nenets that began in the 90s. Separately, it is said about the sacred Nenets center – Vaigach Island and the history of its research. In 1986, a unique Seven-faced idol was discovered there by a Marine Arctic complex expedition. The veneration of this idol can be traced throughout the twentieth century. The modern history of its removal from the island and return to its place is connected with this idol, which fully corresponds to the well-known folklore narrative of the “punishment of the blasphemer”. General conclusions are drawn about the importance of using qualitative research methods in religious studies to compile a three-dimensional picture of the modern religiosity of the Northern peoples. The veneration of their sacred places by the modern Nenets population of the NAO is part of the living religious tradition of this ethnic group, which still exists today despite the action of all destructive historical processes.

Keywords: Nenets, Vaigach Island, the Seven-faced Idol, sacred places, Nenets sanctuaries, the narrative of the punishment of the blasphemer.

For citation: Gipp K.S. Nenets Sanctuaries of Vaigach Island: Real and Unreal Facets. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2023, vol. 45, pp. 128–138. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.45.128> (in Russian)

В период 2013–2022 гг. Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом были организованы полевые исследования религиозности населения Ненецкого автономного округа Архангельской области (НАО), которые коснулись поселков Усть-Кара (восток округа), Каратайка (Большеземельская тундра) и Несь (запад округа), а также нескольких стойбищ в среднем течении р. Кары. Во всех этих населенных пунктах ненцы составляют большинство населения (в среднем – 55 %), в отличие от округа в целом. Опросы начинались с анкетирования (за основу был взят вопросник, применявшийся Исследовательской службой «Среда» при составлении Атласа религий и национальностей Российской Федерации («Арена»)¹. Надо сказать, что как раз Ненецкий АО этим Атласом охвачен не был. Кроме того, мы разработали оригинальный вопросник, призванный уточнить картину религиозных представлений респондентов. Помимо анкетирования мы записали серию глубинных полуструктурированных интервью.

Анализ анкет дал достаточно четкую картину отличий характера религиозности ненцев от русских и коми. Среди ненецкого населения высока доля приверженцев неопределенной внеконфессиональной религиозности и

¹ Арена. Атлас религий и национальностей России. URL: <https://sreda.org/arena> (дата обращения: 26.04.2023).

атеистов, Бог для большинства ненцев либо безличная сила, либо нечто иное (соответственно, 59 против 43 %), Христа воспринимает в качестве просто исторической личности, либо мифического персонажа большая доля ненцев, нежели русских или коми (26 против 12 %). В представлениях о посмертной участи у ненцев преобладают атеистические воззрения (33 против 17 % в представлениях русских и коми), относительно высокая доля верящих в переселение душ (11 против 5 %).

На основании этих данных можно было бы сделать вывод о том, что ненцы, населяющие эти территории, являются носителями секулярного мировоззрения. Но при более глубоком интервьюировании этот тезис оказывается далеко не верным. Во-первых, как пишет участница наших экспедиций Д. М. Егорова, «все, что касается тематики религии, ненцы НАО относят к “вере русских”, т. е. православию, а при описании пережитого собственного религиозного опыта испытывают трудности в подборе слов» [5, с. 115]. В ходе доверительной беседы исследователь может услышать рассказы о шаманах, обладающих удивительными способностями, о подземном народе сиртя, встреча с которым грозит несчастьем, о почитаемых священных местах, о том, что духи вообще не велят респондентам говорить об этой сфере. Глубокий пиетет к духовному прошлому своего народа испытывают как представители ненецкой интеллигенции, так и простые жители поселков.

Центром ненецкого национального возрождения принято считать Ямал (об этом речь пойдет ниже), современных полевых исследований религиозности ненцев НАО немного. Исключение составляют экспедиции сотрудников Ненецкого краеведческого музея, но их результаты опубликованы лишь частично [см., например, 6]. Мы можем найти подробные описания существующих и поныне священных ненецких мест [см., например, 2; 7; 10], но как эти святилища воспринимаются современным ненецким населением, остается нераскрытым. Недавно опубликованы уникальные материалы, собранные в 40-е годы XX в. исследователем М. С. Синицыным [4]. Все это, без сомнения, помогает проследить и трансформацию религиозных воззрений ненцев за последние сто лет, и современное состояние их религиозности, но без привлечения данных, выявленных качественными методами исследований, картина все равно остается неполной. В силу этого представленные ниже материалы являются вполне актуальными.

В фокусе нашего внимания находится круг представлений, выявленных нами в ходе полевых исследований и связанных с сакральным для ненцев островом Вайгач. Помимо собранных нами полевых материалов, в статье использованы материалы Ненецкого краеведческого музея (г. Нарьян-Мар) и Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ). Но перед этим сделаем несколько предварительных замечаний.

Ненецкий этнос в XX–XXI вв.

Отметим вначале несколько исторических факторов, повлиявших на современную ситуацию. Ненцы (устаревшее название – самоеды) – один из коренных малочисленных народов России, они проживают на территории

трех субъектов Российской Федерации – в Ненецком автономном округе Архангельской области, Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области и Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края. На данный момент ненцы – единственный народ Европы, который продолжает вести традиционный кочевой образ жизни, занимаясь оленеводством. Традиционная религия ненцев изучена достаточно хорошо: уже первые исследователи, посетившие места их проживания, оставили заметки об их нравах и обычаях, в советское время исследования были продолжены, в наши дни появились обобщающие монографии, принадлежащие, в том числе и перу представителей ненецкой интеллигенции [12].

Традиционный анимистический «Священный Космос» ненцев с множеством духов, с верховным богом-творцом Нумом и его антагонистом Нга, с семиярусным небесным миром и зеркальным ему миром подземным, с многочисленными священными местами, шаманскими практиками и системой жертвоприношений испытал на себе в XIX – начале XX в. влияние христианизации, но окончательно в качестве целостного мировоззрения был разрушен насильственной советской секуляризацией. Во-первых, советская власть прямо считала, что «вся культура коренных народов Севера была враждебна делу революции и прогресса. Следовательно, ее следовало разрушить и возродить в соответствии с принципами марксизма-ленинизма» [9, с. 232]. Во-вторых, согласно разработкам советских теоретиков, для скачка из первобытно-общинного строя в царство победившего социализма требовалось перевести кочевые народы к оседлому образу жизни. Но поскольку олени ничего про эти принципы знать не хотели, была предложена схема, когда со стадами кочевали только мужчины, а женщины оставались в поселках, которые возникли за годы советской власти по всему Северу, что практически привело к разрушению традиционного уклада жизни, в котором основой была сезонная миграция семей оленеводов вместе с кочующими стадами.

Еще одним фактором, усилившим процесс исчезновения традиционной культуры, явилось то, что дети оленеводов проводили большую часть времени в интернатах, в отрыве от своих семей, в значительной мере подвергаясь там русификации. В меньшей степени эти трансформации затронули оленеводов-частников, до которых не дотянулась советская коллективизация, так, целый род Ямб-То смог в советское время просуществовать, имея минимальные контакты с властью. «До начала 90-х гг. XX столетия члены общины не имели документов, не пользовались государственной медицинской и социальной помощью, дети не учились в школах-интернатах, мужчины не несли воинскую повинность» [5, с. 111].

В ходе наших исследований мы столкнулись с тем, что часть старшего поколения этих кочевников не знает русского языка, тогда как поселковая ненецкая молодежь не может свободно общаться на ненецком, что воспринимается многими как настоящая национальная трагедия.

После крушения советской системы встал вопрос о месте и статусе малых народов в новой России. Причем, как пишет религиовед С. Филатов, «идеологии “национального возрождения” охватили все этносы России, и

почти для каждого из них религия стала одной из составляющих этого национального возрождения» [11, с. 474]. В 2009 г. на государственном уровне была принята Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, одной из задач которой было провозглашено «сохранение культурного наследия малочисленных народов Севера»². Центром такого возрождения ненецкого этноса стал, как упоминалось выше, в основном Ямало-Ненецкий округ. Так, Г. Харючи пишет: «В наиболее отдаленных районах Ямало-Ненецкого автономного округа традиционный уклад жизни в последние годы даже укрепляет свои позиции, активно воспринимается молодым поколением. Такая ситуация резко отличает ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа от других групп этноса, проживающих в Ненецком и Долгано-Ненецком округах [12, с. 204]. Вообще, расселение ненцев в трех субъектах Российской Федерации и возникшее в связи с этим разделение этноса ощущается ими как недолжное и пагубное. Так, наши респонденты говорили: *«А вообще, на самом деле, нас разделили, мы ведь ненцы, мы одной крови, да, нас разделили... НАО, ЯНАО и Таймыр, и везде же мы. И нас разделили, видимо, для того, чтобы, может быть, как-то связь потеряли. Сейчас вообще происходит такая... что вот ямальцы, они несколько высокомерно относятся даже к нам. Потому они считают, что у них там по-настоящему. А может быть, они и правы, потому что у нас действительно здесь как-то... ну, видимо, нас мало...»*³. Тем не менее в сакральных представлениях ненцев НАО по-прежнему значительную роль играет о. Вайгач (особенно это касается населения ближайшего к Вайгачу материкового поселка Каратайка).

Вайгач и его идолы

Современный исследователь Н. Терехин характеризует о. Вайгач как «центр сакральной географии ненцев – тот исток топохрона (метафизический узел бытия), в котором сплетены все начала и концы самодийской идеи» [10, с. 234]. В качестве такого сакрального центра Вайгач (на ненецком «Хэбидя Я» – «священная земля») был известен еще по описаниям первых европейских экспедиций XVI в. Так, англичанин Стивен Барроу, посетивший эти места в 1556 г., дал описание святилища с ненецкими идолами: «Число их было более 300, самой плохой и неискусной работы, какую я когда-либо видел. У многих из них глаза и рты были вымазаны кровью; они имели грубо сделанный облик мужчин, женщин и детей... Некоторые из этих идолов были не чем иным, как старыми кольями с двумя, тремя нарезками, сделанными ножом» [1, с. 108]. В дальнейшем на Вайгаче было открыто и обследовано несколько ненецких святилищ. Из исследований XIX в. важное значение имеет труд «Самоеды мезенские» архимандрита Вениамина, начальника духовной миссии, занимавшегося в 1825–1830 гг. распростране-

² Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. URL: <http://government.ru/docs/30063/> (дата обращения: 26.04.2023).

³ Полевые материалы автора (ПМА). 2019. Ненецкий автономный округ (НАО), п. Красное. Т. Л. М., 1981 г. р., ненка.

нием православия среди ненцев и уничтожившего значительное количество вайгачских идолов. Опускаем здесь описания других достаточно многочисленных экспедиций и путешествий к Вайгачу, переходя сразу к работе на острове в конце XX – начале XXI в. Морской арктической комплексной экспедиции под руководством П. В. Боярского, результаты которой представлены, в частности, в труде «Остров Вайгач: Культурное и природное наследие» [7]. Издание содержит подробное описание истории изучения острова и источников, содержащих труды различных экспедиций и исследователей, а также описание ненецких святилищ, часть которых открыты МАКЭ и описаны впервые. Более подробные данные есть также в специальной монографии И. Б. Барышева «Языческие святилища острова Вайгач» [2].

В частности, на острове Большой Цинковый (расположен к востоку от Вайгача, от которого отделен проливом в 500 м) МАКЭ был в 1986 г. обнаружен и обследован деревянный так называемый Семиликый идол крестообразной формы. Вот как описал в своем дневнике эту находку Петр Боярский: «Поднялись на хребет к большому центральному камню. Ура! Наконец-то! Все замерли в восторге... Перед нами стояла укрепленная большими камнями полутораметровая фигура идола с округлым лицом, вытесанная из бревна и покрытая зеленоватым мхом. Четко прорезаны глаза, нос. Под идиолом лежит перекадина, к ней кованым гвоздем прикреплен идол поменьше, более грубый, как на Болванской горе, и валяются еще четыре. Видимо одного маленького идола не хватает. Это перекадина, которая крепилась посереде болвана. По бокам большого идола на ней торчали еще по три небольших с каждой стороны. Как семисвечник... Удача!» [3, с. 484].

В монографии 2000 г. авторы подчеркивают: «Следует отметить, что характер обнаруженного идола, его форма и конструктивные элементы аналогов не имеют, в научной литературе не описывались» [7, с. 86]. Действительно, если обычные ненецкие идолы-сядеи представляют собой, как правило, деревянные, реже каменные, вытянутые вверх скульптуры, то данный идол имел перекадину, на которой устанавливались шесть дополнительных ликов. При сохранении сакрального количества ликов (семи) форма этого идола вполне самобытна и, возможно, своей крестообразной формой обязана христианскому влиянию [2, с. 88]. По степени деградации древесины исследователи датируют его XIX в. «На восточном склоне скалистого гребня, на вершине которого установлен идол, обнаружены кости животных (семь фрагментов, три из которых принадлежат белому медведю, четыре – оленю). Очевидно, это остатки жертвенных приношений» [7, с. 86]. Исходя из датировки идола, существования свидетельств о его почитании в 30-е гг. [см. 2, с. 88], наличия остатков жертвоприношений, можно заключить, что поклонение Семиликому не прекращалось весь советский период и дожило до наших дней.

Попутно отметим, что отношение к идолам как к предметам сакральным, таящим в себе опасные силы, характерно не только для простых рыбаков, но и для ненецкой интеллигенции. Так, сотрудники Ненецкого краеведческого музея (г. Нарьян-Мар) признавались, что побаиваются идолов, хра-

нящихся в музее, замечают странные звуки, раздающиеся по ночам, и иногда этих идолов «кормят»⁴.

Тот факт, что почитание о. Вайгач, бытование связанных с островом, его святилищами нарративов никогда не прекращалось, доказывают и сделанные в 40-е гг. исследователем М. Синицыным записи ненецких сказаний. Приведем пример такого рассказа. «Хадаку⁵ раньше была не на Вайгаче, а на материке. Ее там разрушил один поп. Много там сядэев раньше стояло ведь, на берегу реки. Люди стояли, смотрели, как на костре жгли сядэев. Вдруг увидели люди: из костра такой круглый комок пламени вылетел и в сторону полетел. Ну, удивились, подумали: вот как трещит – разлетаются щепки! Думали, в сторону отлетела головешка какая, на землю брякнулась и потухла, как бывает в кострах больших. А нет, это сама Старушка-то и была! Она и полетела из костра, да над рекой, да через пролив, и на Вайгаче опустилась. Но этого не знали люди. После нашли недалеко от теперешнего Хэхэн-то и Хэхэм-нэ старый шаманский бубен. Что такое? Не знал никто. Спросили шамана. Он и объяснил: здесь Старушка недалеко живет. С тех пор и стали месту сему поклоняться. А попу тому все равно это так не прошло. В Архангельск вернулся и заболел. Такая его болезнь взяла: кости мягкие стали, не держат его. Ум потерял. Взбесился. Помер потом за Старушку-то» [4, с. 33–34]. Здесь мы видим, помимо демонстрации силы духов и шаманов, нарратив наказания за святотатство: священник сжигал идолов – и духи его за это наказали.

Хотя у ненцев бытовало ярко выраженное двоеверие, когда, к примеру, место фигурок-вместилищ домашних духов хэ-хэ заняли православные иконы, а святитель Николай Угодник был включен в ненецкий пантеон в качестве Николы-Сядея, но, очевидно, считалось, что духи древней религии могут наказывать сильнее. Так, в «Научном отчете по итогам экспедиции в п. Бугрино в 2010 году» Ненецкого краеведческого музея содержится рассказ старжила о. Колгуев об их семейном амбаре, в котором его прадед хранил, в том числе сакральные предметы: «Амбар разделялся на 2 яруса. На первом – во всю ширину амбара была сделана полка, на которой располагались предметы христианского культа. Икона «Николай Чудотворец» с серебряным окладом, размером 60х50 см, Библия (из нее вырывали листочки его дети и делали кораблики), другие предметы христианского культа. Его жена выделяла шкуры и камусы здесь на первом ярусе при открытой двери. И всегда за ее спиной была икона, от чего становилось немного не по себе и жутковато, как будто кто-то все время следит за тобой. А дочь его Инга Ионовна, вспоминает, что в амбаре было темно, но все равно ее что-то всегда тревожило, когда она туда заходила, хотя икону она не видела. Жена Иона Ивановича Роза Алексеевна (дочь первого председателя Колгуевского островного совета Большакова Алексея Романовича) никогда не поднималась на второй ярус, так как знала, что там лежат шаманские вещи и боялась, что будет наказана за свое любопытство. Если и поднималась, то никогда ниче-

⁴ ПМА. 2017. НАО, г. Нарьян-Мар. Т. Л. П., 1971 г. р., ненка.

⁵ Хадаку – идол духа-бабушки, у которой просили помощи в рыбном промысле и женских делах.

го не трогала, а смотрела издалека»⁶. То есть мы видим, что доступ к православным святыням, хранившимся на первом этаже, был относительно свободным, тогда как шаманские принадлежности были тщательно скрыты от непосвященных взоров.

Одна из наших респонденток вспоминала про детство, проведенное на острове: «А на Вайгаче было такое: пойдём за морошкой. Ну, вот этот холм, гора такая, там нельзя вечером ходить. Если ходишь, да, то свистит там. (А Вы как к этому относились?) Я никогда не боялась... (А были идолы на Новой Земле?) Я не знаю, не видела, но на Варнеке-т. е.» (Варнек – поселок на Вайгаче. – К. Гипп)⁷.

Нарратив наказания за святотатство не потерял своей актуальности и в наши дни. И. Б. Барышев отмечает, что упомянутый выше Семиликий идол «в 1997 г. по согласованию с ненецкими охотниками, которые были хозяевами святилища, в связи с явным ухудшением состояния, был взят П. В. Боярским на реставрацию, экспонировался в музее Института наследия, а в 2002 г. был возвращен на место» [2, с. 88]. А вот как описывает ситуацию с Семиликим идолом и шире – с сакральным островом вообще житель поселка Каратайка: «Последнее жертвоприношение при Сталине было, наверно. С карской strony приезжали сюда жертвоприношения делать. На остров Вайгач со стадами специально приезжали сюда, чтобы жертвоприношение делать. Где Семиликий – там жертвоприношения не делали, а делали на Дырявом. Делали, а потом уже переезжали туда, и там уже... Семиликий находится на острове, отдельно на острове. А вот этого Семиликого брали на Вайгач, тьфу, в Ленинград. Один человек хоть догадался, то, чтобы привезти обратно. Кто брал, все сдохли. В тот же год забрали и обратно привезли. Проклятье какое-то началось. А вы верите в это? В это лучше верить»⁸.

Вообще, подобная нарративная схема «человек нарушает табу, наказан высшими силами» [8, с. 117] хорошо известна фольклористам. Среди православных бытовали рассказы о наказаниях осквернителей церковей и икон в период гонений на веру; о страшной участи группы киношников, непочтительно отнесшихся к священной роще, мы услышали в Марий-Эл. Мы достаточно отстраненно выслушали вышеприведенный рассказ о наказании вайгачской экспедиции, но в 2016 г. в Москве на одной из конференций автор встретил П. Боярского и задал ему вопрос об этой истории. Вот его ответ, записанный после конференции: «Во-первых, еще в сталинские времена там заключенные были. Начальник распорядился идола бульдозером перепахать, так бульдозер в пропасть улетел, люди погибли.

У меня, когда мы его привезли, ты не представляешь, что творилось. Я даже все рассказывать не буду (про болезни и несчастья с сотрудниками рассказывать не стал). Ну, я, когда его (идола) брал, перекрестился и кон-

⁶ Научный отчет по итогам экспедиции в п. Бугрино в 2010 г. / ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»; рук. Меньшакова Е. Г.; исп.: Латышева (Талеева) Л. П. и Митькин С. А. Нарьян-Мар, 2010. С. 14.

⁷ ПМА. 2017. НАО, п. Каратайка. В. Н. И., 1936 г. р., ненка.

⁸ ПМА. 2014. НАО, п. Каратайка. С., 1963 г. р., ненец.

фетку положил. Не знаю, что сработало, но что-то сработало. Поставили мы его в зал. Вот, например, приезжает делегация народов Севера. Ненцы в комнату с идолом свободно заходят, остальные не могут. "Он нас не пускает", – говорят. Решили его на место вернуть, вынесли из здания, грузим в машину, а в помещении, где идол стоял, потолок рухнул»⁹.

Несколько иной вариант данной истории имеется на неоязыческом сайте «Славянская традиция»¹⁰. Мы далеки от попыток дать оценку фактологической стороне описываемых событий, отметим только: подобные явления позволяют говорить о том, что феномен сакрального присутствует в жизни современного человека вне зависимости от уровня его образования и рода занятий, и если прежнее отношение русских к ненцам как к колдовскому народу [10, с. 5–6] в настоящее время вряд ли актуально, то сакральные святыни ненцев-самоедов, находящиеся в далеком и таинственном Заполярье, не утратили своей способности воздействовать на внутренний мир наших современников, даже ученый не всегда может выдержать исследовательскую дистанцию, и оказывается вовлеченным в разворачивающийся сюжет.

Выводы

Переходя к выводам, во-первых, необходимо в плане методологии отметить преимущества качественных методов в религиоведческих исследованиях. Важные аспекты живой религиозности, различных сторон современного бытования религиозных традиций ускользают от статистики и раскрываются только в доверительном общении. Особенно это касается традиционных верований северных народов, которые их представители очень часто не стремятся демонстрировать.

Основываясь на приведенных материалах, можно констатировать, что, несмотря на разрушение в ходе исторических процессов, протекавших в XX в., целостной мифо-ритуальной практики, являвшейся в прошлом основой жизни и деятельности ненецкого этноса, живое ощущение силы сакральных мест своего народа, важнейшим из которых является о. Вайгач, до сих пор занимает значительное место в духовной жизни ненцев НАО. Непрерывающееся почитание ненцами своих священных мест, бытование связанных с ними нарративов являются частью живой религиозной традиции народа. Эта традиция включает в себя и общераспространенные сюжетные схемы, такие как «наказание святотатца», которые получают здесь вполне оригинальное звучание. Контуры трансформации этой традиции в современном мире пока только вырисовываются, этот процесс требует дальнейших исследований.

Список литературы

1. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. Л. : [б. и.], 1937. 306 с.
2. Барышев И. Б. Языческие святилища острова Вайгач. М. : Ин-т наследия, 2011. 319 с.

⁹ ПМА. 2016. Москва.

¹⁰ Как ненецкие идолы их похитителям мстят (мистические, но реальные истории). URL: <https://slavtradition.com/svodki-smi/stati/5700-kak-nenetskie-idoly-ikh-pokhititelyam-mstyat-misticheskie-no-realnye-istorii> (дата обращения: 26.04.2023).

3. *Боярский П. В.* Экспедиция на остров Вайгач в 1986 г. Дневник П. В. Боярского // Полярный архив. Т. 1 : тр. Мор. аркт. комплекс. экспедиции (МАКЭ) / под общ. ред. П. В. Боярского. М. : Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачева, 2003. 499 с.
4. Вайгач. Хебидя-Я. Налево от края земли. Архивные фотоматериалы 1930–40 гг. Этнографическое собрание М. С. Синицына / сост. Диксон Олард. М. : Treemedia, 2021, 240 с.
5. *Егорова Д. М.* «Бог в тундре», «Бог в чуме» и «Бог в душе»: как советская секуляризация влияла на религиозность ненцев (НАО) // Вестник ПСТГУ. Серия 1, Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 103. С. 108–120.
6. *Латышева Л. П.* Ненецкие святилища Европейских тундр (по итогам этнографических экспедиций по населенным пунктам Ненецкого округа) // Религиоведческие исследования. 2017. № 2(16). С. 132–142.
7. Остров Вайгач: Культурное и природное наследие : тр. Мор. аркт. комплекс. экспедиции (МАКЭ) / под общ. ред. П. В. Боярского, В. П. Столярова. М. : Ин-т наследия, 2000. 371 с.
8. *Рычкова Н. Н.* Lex talionis: нарративы о наказании святотатцев в православном городском сообществе // Традиционная культура. 2020. Т. 21, № 2. С. 115–123.
9. *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М. : Нов. лит. обозрение, 2017. 512 с.
10. *Теребихин Н. М.* Метафизика Севера. Архангельск : Помор. ун-т, 2004. 272 с.
11. *Филатов С. Б.* Религия в постсоветской России // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. М. ; СПб. : Летний сад, 2002. С. 470–484.
12. *Харючи Г. П.* Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 228 с.

References

1. Rubinshtejn N.L. (ed.) *Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English travelers in the Moscow state in the 16th century]. Leningrad, 1937, 306 p. (in Russian)
2. Baryshev I.B. *Jazycheskie svjatilishha ostrova Vajgach* [Pagan shrines of Vaigach Island]. Moscow, 2011, 319 p. (in Russian)
3. Bojarskij P.V. Jekspedicija na ostrov Vajgach v 1986 g. Dnevnik P.V. Bojarskogo [Expedition to Vaigach Island in 1986, Diary of P.V. Boyarsky]. *Bojarskij P.V. (ed.) Poljarnyj arhiv, T. 1. Trudy morskoy arkticheskoy kompleksnoj jekspedicii (MAKJe)* [Polar Archive, Vol. 1, Proceedings of the Arctic Marine Complex Expedition]. Moscow, 2003, 499 p. (in Russian)
4. Dikson Olard (ed.) *Vajgach. Hebidja-Ja. Nalevo ot kraja zemli. Arhivnye fotomaterialy 1930-40 gg. Jetnograficheskoe sobranie M.S. Sinicyna* [Vaigach. Hebidya-Ya. To the Left of the Edge of the Earth. Archival Photographic Materials of the 1930-40. Ethnographic Collection of M.S. Sinitsyn]. Moscow, 2021, 240 p. (in Russian)
5. Egorova D.M. “Bog v tundre”, “Bog v chume” i “Bog v dushe”: kak sovetskaja sekularizacija vlijala na religioznost nencev (NAO) [“God in the tundra”, “God in the Chum” and “God in the Soul”. How Soviet Secularization Influenced the Religiosity of the Nenets (NAO)]. *Vestnik PSTGU. Serija 1: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Series 1, Theology. Philosophy. Religious Studies], 2022, no. 103, pp. 108-120. <https://doi.org/10.15382/sturI2022103.108-120> (in Russian)
6. Latysheva L.P. Neneckie svjatilishha Evropejskih tundr (po itogam jetnograficheskikh jekspedicii po naselenym punktam Neneckogo okruga) [Nenets Sanctuaries of the European Tundra (based on the results of ethnographic expeditions to the settlements of the Nenets District)]. *Religiovedcheskie issledovanija* [Researches in Religious Studies], 2017, no. 2(16), pp. 132-142. <https://doi.org/10.23761/rrs2017-16.132-142> (in Russian)
7. Bojarskij P.V., Stoljarov V.P. (eds.) *Ostrov Vajgach: Kulturnoe i prirodnoe nasledie. Trudy Morskoy arkticheskoy kompleksnoj jekspedicii (MAKJe)* [Vaigach Island: Cultural and Natural Heritage. Proc. of the Arctic Marine Complex Expedition]. Moscow, 2000, 371 p. (in Russian)
8. Rychkova N.N. Lex talionis: narativy o nakazanii svjatotatcev v pravoslavnom gorodskom soobshhestve [Lex Talionis: Narratives About the Punishment of Blasphemers in the Orthodox Ur-

ban Community]. *Tradicionnaja kul'tura* [Traditional Culture], 2020, vol. 21, no. 2, pp. 115–123 <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.010> (in Russian)

9. Slezkine Yu. *Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North*. Moscow, 2017, 512 p. (Russian transl.).

10. Terebihin N.M. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk, 2004, 272 p. (in Russian)

11. Filatov S. *Religiya v postsovetskoj Rossii* [Religion in Post-Soviet Russia], in Filatov S. (ed.) *Religiya i obshchestvo: Ocherki religioznoj zhizni sovremennoj Rossii* [Religion and Society: Essays on the Religious Life of Modern Russia.]. Moscow, St. Petersburg, 2002, pp. 470-484 (in Russian)

12. Harjuchi G.P. *Tradicii i innovacii v kulture neneckogo jetnosa (vtoraja polovina XX veka)* [Traditions and Innovations in the Culture of the Nenets Ethnic Group (the Second Half of the Twentieth Century)]. Tomsk, 2001, 228 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Гипп Константин Сергеевич
старший преподаватель, кафедра
философии и религиоведения
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Российская Федерация, 115184, г. Москва,
ул. Новокузнецкая, 23Б
e-mail: ksg18@yandex.ru
ORCID 0000-0003-4562-0302

Information about the author

Gipp Konstantin Sergeevich
Senior Lecturer, Department of Philosophy
and Religious Studies
Saint Tikhon's Orthodox University of
Humanities
23B, Novokuznetskaya st., Moscow, 115184,
Russian Federation
e-mail: ksg18@yandex.ru
ORCID 0000-0003-4562-0302

Статья поступила в редакцию **02.05.2023**; одобрена после рецензирования **20.05.2023**; принята к публикации **21.08.2023**
The article was submitted **May, 02, 2023**; approved after reviewing **May, 20, 2023**; accepted for publication **August, 21, 2023**